

На правах рукописи

Данилова Елена Алексеевна

**Типологическое изучение персонажей
(на материале русской литературы XVIII-XIX вв.)**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2016

Работа выполнена на кафедре теории литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Чернец Лилия Валентиновна

Официальные оппоненты: **Володина Наталья Владимировна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Череповецкий
государственный университет»,
профессор кафедры отечественной
филологии и прикладных коммуникаций

Суворова Анастасия Владимировна
кандидат филологических наук,
ФГУП «Всероссийский научно-
исследовательский институт автоматики
имени Н.Л. Духова», редактор
рекламно-информационного отдела

Ведущая организация: Институт научной информации
по общественным наукам Российской
академии наук (ИНИОН РАН)

Защита состоится 10 марта 2016 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.32 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

О.С. Октябрьская

Общая характеристика работы

В диссертации рассматривается персонажная сфера эпических и драматических произведений, составляющая, наряду с сюжетом, основу художественного мира; вопросы создания и восприятия произведений освещаются лишь в связи с типологией персонажей. В эпике и драме творческий субъект обычно сильнее дистанцируется от предмета изображения, нежели в лирике (за исключением лирики ролевой, которую Б.О. Корман не без оснований относит к «двуродовым произведениям»¹).

В литературоведении основательно разработаны принципы типологического подхода к жанрам, стилям, способам повествования и т.д.² Принципы типологии литературных персонажей, в силу особой сложности объекта, оказываются наиболее спорными, дискуссионными³. В данной работе обосновывается само понятие *тип персонажа* как родовое по отношению к группам литературных героев, получивших устойчивую номинацию в литературном процессе (например, «лишний человек», «самодур», «кающийся дворянин»). Соответственно, необходимо и введение данного термина в систему литературоведческих терминов. В аналитической части работы рассматриваются некоторые типы персонажей в русской литературе XVIII – XIX вв. и прослеживается их эволюция, динамика их восприятия критиками и читателями. При этом к анализу привлекаются не

¹ Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. С. 98.

² См.: Бахтин М.М. Эпос и роман // он же. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Пospelов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972; Соколов А.Н. Теория стиля. М., 1968; Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. Киев, 1998; Манн Ю.В. О движущейся типологии конфликтов // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М., 1987; Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. М., 1994; и др.

³ Из работ последних лет см.: Художественная антропология: теоретические и историко-литературные аспекты / Под ред. М.Л.Ремневой, О.А.Клинга, А.Я.Эсалнек. М., 2011; Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М., 2010; Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2010; Теория литературы. Т.IV. Литературный процесс / Гл. ред. Ю.Б.Борев. М., 2001; и др.

только классические произведения, но и беллетристика, а также массовая литература. Сохраняя некоторые устойчивые черты, позволяющие его идентифицировать, тип персонажа эволюционирует в литературном процессе, обрстая, с одной стороны, новыми смыслами; с другой стороны, он нередко теряет былую актуальность, упрощается и становится стереотипом, мишенью для пародии.

Предметом исследования является, во-первых, содержание и функции понятия *тип персонажа*, его отличие от смежного понятия *художественный тип*, или *типический характер*. Когда мы говорим о типе персонажа, нас интересует не эстетическое достоинство созданного литературного образа, не та или иная степень воплощения общего в индивидуальном, а нравственно-психологическая, поведенческая доминанта, объединяющая ряд персонажей. Тип персонажа есть результат *типологии* литературных героев: так, на фоне тургеневских «лишних людей»⁴ выделяются «нигилисты», «опростелые». При этом далеко не все вариации одного типа, прослеживаемые в творчестве разных писателей, могут быть отнесены к творческим удачам. Например, в пьесе И.Ф. Горбунова «Самодур» (1868), где автор подражает Островскому, характер главного героя, по сравнению с персонажами комедий «Свои люди – сочтемся!», «В чужом пиру похмелье» и др., явно упрощен. Понятия *тип персонажа* и *типический характер* – разные по своему содержанию и функциям, хотя и смежные: ведь тип персонажа может быть воплощен в образе, отличающемся высокой художественностью, и быть схематичным олицетворением какого-либо качества.

Во-вторых, в работе предложен анализ некоторых (недостаточно изученных) типов персонажей и их эволюции в русской литературе XVIII –

⁴ Манн Ю.В. «Лишний человек» // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М.Кожевникова и П.А.Николаева. М., 1987. С. 204. В этот словарь включена также статья Ю.В.Манна «Маленький человек» (с. 207–208), однако нет статьи, посвященной типу персонажа или типологии персонажей.

XIX веков, с привлечением многих произведений разной художественной ценности.

Актуальность исследования определяется тем, что понятие *тип персонажа* закрепляет давно сложившуюся традицию сопоставлять периоды в истории литературы, её направления и жанры, этапы творчества писателя, выдвигая на первый план сменяющих друг друга литературных героев и антигероев. Движущаяся типология персонажей позволяет представить в существенном аспекте литературный процесс в совокупности составляющих его рядов (классика, беллетристика, низовая литература).

Объект исследования – драматические и эпические произведения русской и зарубежной литературы, а также современная им критика. Типы персонажей появляются в европейской литературе начиная с Античности и далее сопутствуют многовековому ее развитию. Из русской литературы XVIII–XIX вв. для анализа выбрана не только классика («Ябеда» В.В. Капниста, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Доходное место» А.Н. Островского, «Новь» И.С. Тургенева и др.), но и беллетристика («Тамарин» М.В. Авдеева, «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» А.О. Осиповича-Новодворского, «Вперемежку» Н.К. Михайловского, «Кисейная барышня» Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.), а также некоторые произведения массовой литературы.

Обращение к русской литературе XVIII–XIX вв. (эпика и драма) продиктовано, помимо историко-литературной специализации автора диссертации, также тем, что сами писатели, творившие в это время, оставили много суждений о своих персонажах; само слово *тип* (в значении *тип персонажа*) часто встречается в их письмах и критических статьях. Приведём суждение А.Н. Островского (из письма от 15 сентября 1879 г. к его молодому соавтору Н.Я. Соловьёву по поводу их драмы «Дикарка»): «А идея моя вот такая, постарайтесь её понять! Каждое время имеет свои идеалы, и обязанность каждого честного писателя (во имя вечной правды)

разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлили и сделались фальшивыми. Так на моей памяти отжили идеалы Байрона и наши Печорины, теперь отживают идеалы 40-х годов, эстетические дармоеды вроде Ашметьева, которые эгоистически пользуются неразумием шальных девок вроде Дикарки, накоротке поэтизируют их и потом бросают и губят. Идея эта есть залог прочного литературного успеха нашей пьесы и, как смелое нападение на тип, ещё сильный и авторитетный, в высшей степени благородна»⁵. Аналогично понимал И.С. Тургенев свою задачу, в своём «Предисловии к романам» (1880) писавший, что во всех романах (от «Рудина» до «Нови») он стремился «добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет “the body and pressure of time”⁶, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом...наблюдений»⁷. Живой интерес к типам персонажей проявляли и литературные критики, считавшие важнейшей заслугой писателя введение в литературу нового типа персонажа, выразившего своё время.

Научная новизна исследования, как представляется её автору, состоит в обосновании *типа персонажа* в качестве самостоятельного литературоведческого понятия; в попытке чётко разграничить понятия и термины *типический характер* и *тип персонажа* и уяснить их разные функции; в анализе некоторых типов персонажей в русской литературе XVIII–XIX вв., получивших устойчивые номинации, и в прослеживании их эволюции.

Методологическую основу диссертации составили работы по теории и истории литературы, в особенности исследования М.М. Бахтина, А.И. Белецкого, А.Н. Веселовского, Алексея Н. Веселовского,

⁵ Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973–1980. Т.11.С. 62.

⁶ «... самый образ и давление времени» (англ.).

⁷ Тургенев И.С. Полн. собр.соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1982. Т.9.С. 390.

Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Г.Н. Поспелова, Ю.В. Манна, Л.Я. Гинзбург, В.М. Марковича, В.Е. Хализева, Л.В. Чернец, Н.В. Володиной, А.Д. Михайлова, Г.К. Косикова, С.А. Мартьяновой, А.Я. Эсалнек, И.Н. Исаковой, Г.А. Стратановского, В.Н. Ярхо и др. Привлекаются традиционалистские «поэтики», литературная критика разных периодов.

Цель диссертации – придать *типу персонажа* статус «рабочего» понятия, которое может служить инструментом анализа эпических и драматических произведений; указать на отличие понятия *тип персонажа* от понятия *типический характер*; рассмотреть некоторые типы персонажей на материале русской литературы XVIII-XIX вв.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее положений при сопоставительном анализе художественных произведений, динамики литературного процесса в целом.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Понятие *тип персонажа* имплицитно всегда входит в научный аппарат исследователя при анализе творческого пути писателя, неоднократно возвращавшегося к поразившему его социально-психологическому типу (так, в душевном «подполье» пребывают, в соответствии с замыслом автора, многие герои Ф.М. Достоевского), а также при изучении литературного процесса, на разных этапах которого выдвигаются те или иные литературные герои и антигерои. Однако данное понятие нуждается в специальном теоретико-литературном обосновании ввиду его тесной метонимической связи с понятием *типический характер*. Под последним, в традициях классической эстетики, понимается высокая степень воплощения общего в индивидуальном, результат творческой *типизации*

характерного в жизни (по Гегелю, это следствие «идеализации» предмета, «очищения» его от случайных черт⁸).

В литературоведческих словарно-энциклопедических изданиях термин *тип* обычно определяется как результат творческой *типизации*⁹. Но слово *тип* в русском языке многозначно, и одно из его значений: группа литературных героев, в поведении и психологии которых прослеживаются некоторые общие существенные черты. Иначе говоря, имеется в виду *тип* как результат *типологии* персонажей. Это значение также требует отражения в литературоведческом тезаурусе.

2. Важным признаком формирования типа персонажа и его узнавания, идентификации читателями является устойчивая номинация, введённая писателем или критиком и закрепившаяся в литературном процессе: *лишний человек* («Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева), *человек в футляре* (одноимённый рассказ А.П. Чехова), *кающийся дворянин* («Вперемежку» Н.К. Михайловского), *чудик* (одноимённый рассказ В.М. Шукшина), *человек свиты* (одноимённая повесть В.С. Маканина) и др. В качестве такой номинации может употребляться собственное имя персонажа, ставшее нарицательным: *Печорин*, *Обломов*, *Базаров*.
3. Сближая персонажей, обладающих разными индивидуальными характерами, на основании нравственно-психологической, поведенческой доминанты, можно проследить *эволюцию* типа персонажа как в творчестве одного писателя (Брусков и Ахов у Островского), так в литературном процессе в целом (Печорин и «печоринствующие», например «талантливые натуры» в

⁸ Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. М., 1968. Т.1. С.164.

⁹ См.: Кожин В.В. Типическое // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М.Коженикова, П.А.Николаева. М., 1987. С. 440.

«Губернских очерках» М.Е. Салтыкова-Щедрина). Эта эволюция, особенно чётко отраженная в «среднем» и «низшем» литературных рядах, обычно свидетельствует о смене в обществе ценностных приоритетов. Долгая или краткая «жизнь» типа персонажа также связана с его актуальностью для читателей.

4. Приведённые выше положения конкретизируются во второй главе диссертации, где анализируются некоторые типы персонажей и их эволюция, отмечаются предшественники и преемники типов персонажей, номинации которых стали широко использоваться в русской критике и публике. Среди этих номинаций: антропонимы, получившие нарицательное значение: *Чацкий*, *Печорин*, *Жадов* (имя героя пьесы Островского «Доходное место», возбудившей полемику в эпоху начинающихся реформ, на относительно краткое время стало нарицательным); «кисейная девушка» (так назвал свою героиню Н.Г. Помяловский в повести «Мещанское счастье», и во многом благодаря отзыву Д.И. Писарева оно закрепилось как номинация литературного типа); «ни пава, ни ворона» (это автономинация героя-рассказчика повести А.О. Осиповича-Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны», психологически предваряющего многих чеховских интеллигентов – героев «безвременья»). Вариации названных типов в последующих произведениях, различных по своей художественной ценности, позволяют проследить их эволюцию.

Апробация диссертации. Наряду с публикациями в журналах «Русская словесность» и «Русский язык и литература для школьников», в сборниках научных трудов и в реферативном журнале, материалы диссертационной работы были представлены в форме докладов на научных конференциях «Ломоносов» (2009-2013, 2015) в МГУ имени М.В.

Ломоносова; также отдельные положения диссертации были использованы на практических занятиях по основам литературоведения в 2015 году (1 курс романо-германского отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) и в лекционном курсе «Мир художественного произведения» в Школе Юного Филолога при МГУ имени М.В. Ломоносова.

Практическая значимость. Материалы диссертации можно использовать на лекциях и практических занятиях по основам литературоведения и теории литературы, литературной критики, а также при изучении творчества В.В. Капниста, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, А.О. Осиповича-Новодворского, Н.Г. Помяловского, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др.

Структура диссертационной работы соответствует целям и задачам исследования. Диссертация состоит из Введения, двух глав (теоретической и аналитической), Заключения и Библиографии.

Содержание работы

Во Введении обосновываются актуальность темы и научная новизна диссертации, определяются цели и методы исследования, формулируются основные положения, вынесенные на защиту.

Первая глава **«Типы персонажей и их эволюция в литературном процессе и творчестве писателя»** состоит из двух разделов.

В первом разделе **«Ключевые понятия и термины»** специфика восприятия художественной антропологии связывается с *образной* природой искусства. В отличие от специализированного, одностороннего подхода к человеку в таких науках, как психология, социология, этнология и др., а также от философской теоретической рефлексии о нём, художественный образ человека (персонажа, лирического героя, повествователя и др.) отличается *целостностью*: ведь *общее* в искусстве передано через *индивидуальное* (что не исключает наличия в

художественном тексте отвлечённых, иногда объёмных, рассуждений повествователя или персонажей). При типологическом изучении персонажей важно подчеркнуть богатство *вариаций* типа, проявляющееся как в индивидуализации характеров, так и самих способов, приёмов изображения. Даже на ранних стадиях развития литературы выделяемая авторами сходная черта характера проявляется и описывается по-разному: например, Феофраст в «Характерах» изображает своего Крохобора в тринадцати житейских ситуациях; Лоррис де Гильом в «Романе о Розе» рисует аллегорический портрет Скупости, отмечая её худобу, бледность, платье в лохмотьях (ведь она «до смерти носит всё старьё») и мешок с деньгами, который невозможно развязать; Себастиан Брант в «Корабле дураков» описывает многократные действия Скопидома, сопровождая описания поучениями и угрозами: «Коль ты нечисто стал богат, / Ступай поджариваться в ад!».

Конечно, существуют глубокие различия в понимании характера, личности человека в Античности, Средневековье, в эпоху Возрождения, классицизма, Просвещения, романтизма, реализма, модернизма и т.д. О различиях в самой концепции личности и в изображении человека в «канонических» и «романизированных» жанрах (по терминологии М.М. Бахтина¹⁰) писали многие исследователи. И понимание конкретно-исторической, национальной специфики художественной антропологии и знание соответствующей терминологии – необходимое условие анализа. Так, для многих античных авторов понятия «характер» и «тип» были почти синонимами¹¹.

Однако при типологическом изучении персонажей важно видеть преемственные связи между разными периодами развития литературы.

¹⁰ См.: Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 476-483.

¹¹ Согласно Г.А. Стратановскому, для грека характер – «это “штамп” для чекана монет, который никогда не предназначен для одного экземпляра, это “тип”, застывшая маска. Оттого Феофраста не интересует “личность”, но всегда “тип”» (Стратановский Г.А. Феофраст и его «Характеры» // Феофраст. Характеры. СПб., 2010. С. 84.

Интерес писателей к *типологии* персонажей сохраняется и при господстве «романизированных» жанров, о чем наглядно свидетельствуют возникающие в литературе и критике новые *номинации типов персонажей*. Так, в русской литературе XIX в. закрепляются номинации, введённые писателями или критиками: *страдающий эгоист, нигилист, деловой человек, праведник, голспода ташкентцы* и др.; в этом же качестве выступают собственные имена литературных героев, ставшие нарицательными.

Высокая степень индивидуализации, принцип развития, сложность и противоречивость характеров многих литературных героев в произведениях русских классиков не мешала ни им самим, ни их критикам и читателям группировать персонажей, относить их к определённому типу, о чём они неоднократно писали. Так, Ф.М. Достоевский, осознавая необходимость «исправления» повести «Двойник», не удовлетворившей критиков, писал М.М. Достоевскому (1 октября 1859): «Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником?»¹².

Понятие *тип персонажа* следует отличать от понятия *типический характер*. По данным толковых словарей русского языка, слово *тип* применительно к человеку имеет несколько значений, важнейшие из них: представитель некоего множества людей; яркое воплощение общего в индивидуальном¹³. Ведущая тенденция в трактовке *типа* как литературоведческого термина, что было отмечено выше, связывает его с процессом *творческой типизации* характерного в жизни. Создание типа, или типического характера как бы увенчивает процесс творческой типизации. Однако наряду с данным понятием для литературоведения важно и понятие

¹² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1985. Т.28.Кн.1. С.340.

¹³ См.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.;Л., 1948-1965. Т.15. С.454.

тип персонажа как результата типологии лиц, изображенных в произведениях¹⁴.

Конечно, *тип персонажа* в классическом, художественно совершенном произведении – это одновременно и *типический характер*. Но те же типы персонажей широко представлены в *беллетристике* и в *массовой литературе*, где они часто становятся *стереотипами*. А воссоздание *литературного процесса* требует погружения и в эти литературные ряды. Изучение типа персонажа предполагает анализ целого ряда произведений, в результате которого обычно прослеживается его *эволюция*.

Необходимо подчеркнуть, что типология персонажей не является результатом *логической* классификации, накладываемой «сверху» на литературный процесс. В последние десятилетия в отечественном литературоведении вновь (как и в 1960-е годы¹⁵) актуализировался вопрос о специфике искусства, которая не сводится только к его образной форме: ведь сама эта форма вытекает из особенностей мышления художника. Ключевым словом, передающим специфику художественного, творческого мышления и восприятия искусства, сегодня становится *концепт* (сам термин восходит к средневековым спорам между реалистами, номиналистами и концептуалистами). Согласно В.Г. Зусману, для концепта характерно «смысловое колебание между понятийным и чувственным, образным полюсами»¹⁶. Н.В. Володина, рассматривая применение в литературоведении понятия *концепт*, видит в нём и «некую идеальную сущность»¹⁷, и её реализацию в художественном образе, она также отмечает повторяемость

¹⁴ О двух основных значениях слова «тип» пишет В.Е.Хализев в своём учебнике «Теория литературы» (М., 2009), связывая одно из значений с «классификаторскими задачами», с «воплощением в персонаже какой-то одной черты, одного повторяющегося человеческого свойства» (с.76). Развивая мысль о двух основных значениях слова *тип*, Л.В.Чернец подчеркивает, что типологический подход необходим и по отношению к индивидуализированным характерам: «можно считать тип *инвариантом*, узнаваемым в разных персонажах – его вариациях, но ”в чистом виде” нигде не представленным» (Чернец Л.В. Типы “самодура” и “делового человека” в пьесах А.Н.Островского // Русская словесность. 2014. № 5.С. 54).

¹⁵ См.: Пospelов Г.Н. Эстетическое и художественное. М., 1965.

¹⁶ Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. Май-апрель 2003. С.4.

¹⁷ Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2010. С.10.

концепта и наличие у него имени. Среди выделенных Н.В. Володиной концептов – многие типы персонажей русской литературы XIX в. (*маленький человек, лишний человек, русский европеец* и др.). Тип персонажа, получивший устойчивую номинацию и прочно ассоциирующийся с рядом художественных произведений, можно считать одним из видов концепта.

Во втором разделе первой главы **«Из истории типов персонажей. От типа к стереотипу»** прослеживаются некоторые важные тенденции в изображении типов персонажей в истории европейской литературы. Отмечены, во-первых, само увеличение числа типов персонажей в *этологических* описательных жанрах. Так, если в «Характерах» Феофраста представлены 30 пороков, то в «Корабле дураков» (1494) С. Бранта их число превышает 50, а в «Характерах, или Нравах нынешнего века» Ж. де Лабрюйера их 1120, причем от «зеркала» к «зерцалу» усиливается национально-историческая, социальная характерность изображений. Само увеличение типов персонажей подчёркивает растущую социальную неоднородность общества. Устойчивостью типов персонажей отличались и «канонические» *сюжетные* жанры (яркие примеры – паллиата с ее масками и «говорящими именами», комедия дель арте). Традиционалистские «поэтики» (Ю.Ц. Скалигер, М. Опиц, Н. Буало и др.) дают перечень типов персонажей, характерных для того или иного жанра.

Далее в диссертации даётся краткий обзор, с опорой на исследования И.Ф. Волкова, Л.Е. Пинского, В.В. Кожина и других исследователей, ведущих типов персонажей в «романизированных» жанрах, прежде всего в разновидностях европейского романа и «среднем драматическом жанре» (Д. Дидро). Рассматриваются также вопросы *эволюции* типов персонажей, в частности возможное их превращение в *стереотипы*, в особенности в потоке беллетристики и массовой литературы. «Долгая» или «краткая» жизнь типа персонажа соотносится прежде всего с его актуальностью для общественной жизни, со сменой ценностных приоритетов и идеалов.

Во второй главе диссертации «Русская литература XVIII–XIX вв.: вариации отдельных типов» прослеживается эволюция некоторых типов персонажей, получивших устойчивые номинации. Глава состоит из пяти разделов.

Первый раздел – «**Чацкий – правнук Альцеста? Предшественники и преемники героя А.С. Грибоедова**». К предшественникам Чацкого ещё первые критики комедии (М.А. Дмитриев, В.А. Ушаков), а впоследствии Алексей Н. Веселовский, относили Альцеста («Мизантроп» Мольера)¹⁸ (вопрос о влиянии Мольера на комедию Грибоедова подробно рассмотрен Н.К. Пиксановым¹⁹). Истинных же последователей у Чацкого, которого Ап. Григорьев в 1862 г. назвал «единственным героическим лицом нашей литературы»²⁰, было немного. Ведь «продолжения» биографии героя в произведениях Е.П. Ростопчиной («Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. *Разговор в стихах*», 1856, опубл. 1865), М.Е. Салтыкова-Щедрина («В среде умеренности и аккуратности», 1874) являются *полемиическими* творческими интерпретациями²¹. А экзальтированный *Чадский* в романе Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских» (1832) вызывает даже иронию автора, для которого умение владеть собой – залог семейного счастья. Некоторые черты грибоедовского героя можно видеть в образе Райского из «Обрыва» И.А. Гончарова, они узнаются и в расширенном толковании «страдательной» роли *Чацких* в его статье «Мильон терзаний» (1871). Сопоставляются также функции приёма введения внесценических лиц, использованного в «Мизантропе» и «Горе от ума» и восходящего ещё к античной драматургии, в частности к паллиате.

¹⁸ См.: Веселовский А.Н. Альцест и Чацкий // «Вестник Европы». 1883. № 3.

¹⁹ См.: Пиксанов Н.К. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 193-279.

²⁰ Григорьев А.А. По поводу нового издания старой вещи // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М., 1986. С. 296, 303.

²¹ См.: Есин А.Б. Полемиическая интерпретация как форма бытования классики // Классика и современность / Под ред. П.А. Николаева, В.Е. Хализева. М., 1991. С. 120-127.

Во втором разделе «Типы взяточников и борцов с кривосудием: от “Ябеды” В.В. Капниста до “Доходного места” А.Н. Островского» прослеживается общий для двух комедий мотив взяточничества в сочетании с мотивом низкопоклонства, сопоставляются типы взяточников в пьесах. К анализу привлекается комедии о *честном* чиновнике: «Чиновник» В.А. Соллогуба (1856), «Свет не без добрых людей» (1857) и «Предубеждение, или не место красит человека, человек – место» (1858) Н.М. Львова, широко обсуждавшиеся в критике тех лет. На фоне однотонных персонажей «Ябеды» (Прямиков и Кривосудов с компанией), а также при сравнении с тенденциозными и схематичными пьесами Соллогуба и Львова особенно очевидна точность, глубина психологического реализма Островского, проявившаяся в изображении как сломленного в финале Жадова, так и «благодушия и особенного рода совестливости взяточников...»²². Открытый финал «Доходного места» позволил критикам пореформенного времени увидеть будущее Жадова в Глумове, главном герое пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (1868). «Глумов есть, собственно говоря, тот же Жадов, только несколькими годами старше, – состарившийся на всё то время, которое прошло с первого неудавшегося обращения к Вышневному и по днесь...», – считал близкий к идеалам «почвенничества» Л.Н. Антропов²³, солидаризируясь с «реальным» критиком Е.И. Утиным, тоже сблизившим этих персонажей²⁴. «Сравнение Жадова с Глумовым, – отметила Е.Р. Коточигова, – оказалось очень продуктивным для понимания характера “мудреца” 1870-х и тех жизненных реалий, которые его вызвали к жизни»²⁵.

²² Добролюбов Н.А. Тёмное царство // Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т.3.С. 440.

²³ А – в Л.Н. Театральные заметки. (По поводу произведений Дьяченко, Самарина, Стахеева и новой комедии Островского “На всякого мудреца довольно простоты” // «Заря». 1969. № 1.С. 174.

²⁴ См.: Утин Е.И. Современные мудрецы. Комедия А.Н.Островского “На всякого мудреца довольно простоты” // «Вестник Европы». 1969. № 1.

²⁵ Коточигова Е.Р. Е.И.Утин как общественный деятель и критик Островского // «Русская словесность». 2012. № 6.С. 34.

Третий раздел – «Роман М.В. Авдеева “Тамарин” как спор с “Героем нашего времени” М.Ю. Лермонтова. Печорин и печоринствующие». Споры, который образ Печорина надолго возбудил в критике, сопутствовали художественные интерпретации характера героя, среди которых было много *полемических*. М.Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» (1856-1857), в цикле «Талантливые натуры», иронически пишет о «печоринстве», ставшем модой в провинции, где оно «утратило свой демонический характер...»²⁶. Немало произведений подтверждают эти слова сатирика, и можно говорить о превращении типа персонажа в *стереотип*, в не подтверждённую внутренними достоинствами эффектность, броскость поведения героя, гипнотизирующего своих романтически настроенных поклонниц: таковы Бахтиаров из повести А.Ф. Писемского «Тюфяк» (1851), Мерич в «Бедной невесте» А.Н. Островского (1852), Пустовцев в романе В.И. Аскоченского «Асмодей нашего времени» (1858) и др. Маску Печорина донашивает Солёный в пьесе «Три сестры» А.П. Чехова (1901), он откровенно пародиен по отношению к лермонтовскому герою. Вообще «печоринство», в его разнообразных вариациях, было распространённым предметом иронии, даже сатиры, что хорошо освещено в лермонтоведении²⁷.

Другой тенденцией в художественных истолкованиях Печорина было его сближение с автором романа (стихотворения Н.П. Огарёва, В.И. Красова, поэмы Ап. Григорьева «Отрывок из сказаний об одной темной жизни», «Олимпий Радин»).

В диссертации подробно рассматривается роман М.В. Авдеева «Тамарин», печатавшийся по частям в «Современнике» (1849–1851), в частности уточняется дата публикации авторского Предисловия к нему (оно

²⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. С. 277.

²⁷ См.: Дурьлин С.Н. Роман М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарии. М., 2006. С. С.137-151; Журавлёва А.И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М., 2002 (гл.14: «Печорин и печоринство в 1840-1850-е годы») и др.

датировано 26 ноября 1851 г. и впервые помещено в книжном издании романа в 1853 г.). В Предисловии Авдеев объясняет свой замысел – «проследить дальнейшее развитие типа героев своего времени», продолжить работу критиков, которые «уже свели Печорина с пьедестала...»²⁸. Высказывается гипотеза об осознанной или неосознанной реминисценции из этого Предисловия в статье Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1859), где критик пишет, что для него Печорин – тот же Обломов, «сведённый с красивого пьедестала на мягкий диван, прикрытый вместо мантии только просторным халатом»²⁹. В самом романе «Тамарин» система персонажей, композиция, принципы повествования (смена рассказчиков) явно напоминают о «Герое нашего времени», однако ни сам Тамарин, ни противопоставляемый ему претендент на статус нового героя времени Иванов (в третьей части), ни другие персонажи не выдерживают сравнения с шедевром Лермонтова. Однако само появление «Тамарина», где сочетаются подражание и полемика, симптоматично как свидетельство о мощном воздействии «Героя нашего времени» на читателей.

Четвёртый раздел – **«"Кисейная девушка" в произведениях 1860-80-х гг. (Н.Г. Помяловский, Д.Н. Мамин-Сибиряк и др.)»**. Здесь рассматривается тип «кисейной девушки» («кисейной барышни»), номинация которого (ранее бытовавшая в повседневной жизни) была введена в литературу Помяловским в повести «Мещанское счастье» (1861). Героиня второго плана становится под пером писателя-демократа предметом сочувственного психологического анализа. Обращению в последующей литературе к данному типу способствовала критика Д.И. Писарева (статья «Роман кисейной девушки», 1865). Интересна эволюция типа персонажа: героини стремятся избавиться от присвоенной им номинации (пьеса А. Резеды «Кисейная барышня, или Где мёд, та и мухи», 1878; повесть

²⁸ Авдеев М.В. Тамарин. М., 2001. С.4.

²⁹ Добролюбов Н.А. Собр. срч.: В 3 т. М., 1987. С.246.

Д.Н. Мамина-Сибиряка «Кисейная барышня», 1889; и др.). Они хотят стать самостоятельными, самодостаточными, умеющими нести ответственность за себя и за своих близких.

В пятом (последнем) разделе **«На распутье: "ни пава, ни ворона"». Герой А.О. Осиповича-Новодворского среди заимствованных персонажей»** анализируется приём «оживления» лермонтовских и тургеневских героев в повести А.О. Осиповича-Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны. (Дневник домашнего учителя)» (1877). Этот приём широко и виртуозно применялся М.Е. Салтыковым-Щедриным, к школе которого исследователи относят Осиповича-Новодворского. Подчёркивается противоречивое отношение к заимствованным персонажам (Демон, Печорин, Рудин, Базаров, Нежданов, Соломин, Елена Инсарова) самого писателя, привлекаются к анализу другие его произведения. Главный герой повести, в сопоставлении с «кающимися нигилистами» («Вперемежку» Н.К. Михайловского, 1876-1877) и Неждановым (роман «Новь» И.С. Тургенева, 1877), предстаёт как наследник «лишних людей» и одновременно родоначальник нового типа, предвосхищающего чеховских интеллигентов.

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования. Завершает текст диссертации **Библиография**.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Данилова Е.А. «Кисейная девушка»: зарождение типа и его эволюция // Русская словесность. – 2015. – № 1. – С. 18-26.
2. Данилова Е.А. "Ни пава, ни ворона": тип персонажа в русской литературе конца XIX в. // Русская словесность. – 2015. – № 4. – С. 46-56.

3. Данилова Е.А. Роман М.В. Авдеева «Тамарин» как спор с «Героем нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Из «жизни» литературного типа // Русская словесность. – 2013. – № 4. – С. 16-22.
4. Данилова Е.А. Герои М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева в повести А.О. Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» // Сравнительное и общее литературоведение: Сборник статей молодых ученых / Под ред. Л.В. Чернец, Н.А. Соловьевой, Н.З. Кольцовой. – М., 2013. – Выпуск 4. С. 139-151.
5. Данилова Е.А. Жизнь литературного типа. Роман М.В. Авдеева «Тамарин» как спор с романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Актуальные проблемы филологической науки: как взгляд нового поколения. Вып.4: Материалы XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология» / Ред.- сост. Е.И. Кислова. – М.: МАКС Пресс, 2012 – С. 252-255.
6. Данилова Е.А. Мольеровская традиция в комедии Грибоедова // Русский язык и литература для школьников. – 2010. – №1. – С. 41-46.
7. Данилова Е.А. О «кисейной девушке» // Русский язык и литература для школьников. – 2015. - №6. – С. 35-38.
8. Данилова Е.А. О мотиве взяточничества в русской комедии XVIII – XIX вв.// Русский язык и литература для школьников. – 2011. – №8. – С.18-24.
9. Данилова Е.А. Система персонажей в "Горе от ума" А.С. Грибоедова и "Мизантропе" Ж.-Б. Мольера // Сравнительное и общее литературоведение: Сборник статей молодых ученых / Под ред. Л.В. Чернец (отв. ред.), Н.А. Соловьевой, Н.З. Кольцовой. – М., 2010. – Выпуск 3. – С. 6-12.

10. Данилова Е.А. Реф.: Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.7, Литературоведение: РЖ /РАН. ИНИОН. – М., 2012. – №2. – С.7-18.
11. Данилова Е.А. Реф.: Падерина Е.Г. К творческой истории "Игроков" Гоголя: история текста и поэтика. М.: ИМЛИ РАН.2009 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.7. Литературоведение. РЖ / РАН. ИНИОН. – М., 2010. – № 1. – С. 112-118.